

Глава вторая. Обетованная площадь

1

В Венецию каждый раз приезжаешь как в первый. Несмотря на то что я был здесь частым гостем, небрежно бросавшимся на званых вечерах громкими именами Тициана и Тинторетто, несмотря на то что с видом бывалого путешественника я продолжал читать газету, когда огненно-красный скоростной поезд, везущий меня из Местре к старому городу, многозначительно замедлил ход, и что я намеревался практически подойти к своему прибытию, отложив любое возможное душевное смятение до тех пор, пока окончательно не устроюсь, у меня все-таки на секунду перехватило дух, стоило мне выйти со станции и увидеть хрупкое пастельное клише города, беззаботно и обманчиво невинно представшее предо мной на зеленой воде.

Венеция взглянула на меня с улыбкой возлюбленной, ждавшей моего возвращения. За все эти столетия, терпеливо проведенные ею у окна, она стала спокойнее и красивее. Позвякивая драгоценностями, она раскрыла мягкие, теплые руки для долгожданных объятий, которые были судьбой и предназначением, и хихикнула, потому что все наконец обрело смысл. Шепча о вечности, она знала, о чем говорит. У нее было довольно нарядов для всех праздников, которые ждали нас впереди.

Для встречи с любимым человеком нет города лучше Венеции. Клио пустилась в путь раньше меня. Мы разделили обязанности. Пока я занимался уборкой старого жилья и улаживал последние формальности с его владельцами, она отправилась в Венецию обустроить наш новый дом и встречать грузоперевозчиков. Вещей у нас

было немного. По преимуществу ее книги. Когда-то я пошутил, что у нее тяжелая профессия. Искусствоведческие труды приобрели большой вес — и эту шутку она уже слышала. По телефону она сообщила, что переезд прошел благополучно. Она начала распаковывать коробки. Она меня ждала. Она меня любила.

Где-то за этими манящими фасадами во вздыхающей усыпальнице города вилась улочка под названием калле Нуова Сант-Аньезе, которую мне предстояло отыскать, чтобы увидеть Клио в рабочей майке и спортивных брюках, с длинными темными волосами, для удобства собранными в пучок, и, возможно, с каплей краски на носу, как в телерекламе для счастливых молодоженов, среди коробок в доме, полном радости и обещания жизни. Сегодня вечером она наденет свое бальное платье, чтобы под руку со мной прошелестеть по площадям, переулкам и черным каналам навстречу приключениям, с блеском добавив еще одну восхитительную главу в раскатистую историю города, словно прибывающая вода, обрекающая его на безысходность.

2

Я приехал налегке. Все свои вещи я отправил с перевозчиком. Я был рад пройтись от станции пешком. В поезде у меня была уйма времени, чтобы при помощи мобильного телефона выучить наизусть маршрут от вокзала до калле Нуова Сант-Аньезе. Однако возможностей сбиться с пути было предостаточно. В других обстоятельствах я бы охотно ими воспользовался, но сейчас предпочитал целенаправленность. Я хотел увидеть Клио.

По высоким ступенькам я, как на алтарь, взшел на мост Скальци. Переправа через Гранд-канал — это торжественная месса, до строительства нового моста служенная лишь в трех местах. Облокотившись на мраморные перила, я обзирал внизу сутолоку на бирюзовой воде, которая была скорее аортой, нежели препятствием. Канал

в форме небрежной буквы S в зеркальном отражении был намалеван на карте города пьяным архитектором, садистски расхохотавшимся, обнаружив, что его творение сделало город почти непроходимым для фланировавшей в атласных туфлях знати, и лишь на следующий день, уже на трезвую голову, осознавшим, что совершенно случайно создал великолепный водный путь, грациозно и неторопливо соединяющий все части города.

Да, и гондолы, они тоже сразу бросились мне в глаза, хотя я и не подготовился ко встрече с ними. Они были больше, чернее и подлиннее, чем на картинках. В конце концов, нелепо, что в двадцать первом веке по-прежнему существуют подобные штуковины, чудесным образом воскрешенные для туристов, точно доисторические водоплавающие птицы. Впрочем, в Венеции нельзя говорить об анахронизмах. В этом городе, никоим образом не приспособленном для продуктивности, спешки или полезности, анахронизмом была сама современность. Время здесь погрузилось в меланхолию и ностальгию по мечте о тени звонкого прошлого.

Велико было искушение пройти прямо по калле Лунга, ведущей как раз в том направлении, где сейчас находилась Клио, однако в городе, движущемся в никуда, направление мало что значит. Судя по карте, я мгновенно запутался бы в двориках и закоулках, словно бык в красной тряпке. Не стоило исходить из того, что в Венеции был некий уличный план. Застройка здесь вряд ли велась по принципу целесообразности: на четко размеченных участках, вдоль удобных магистралей. Аристократия прошлых веков заплонила остров роскошными палатками, и возникшие между этими чудесами света щели стали служить улицами. Перемещаясь с места на место, ты постоянно вынужден был считаться с эксгибиционистской демонстрацией любви к этому городу прежних горожан.

Нелогичным, на мой взгляд, образом мне пришлось проследовать в обратном направлении по противоположной стороне Гранд-канала, чтобы свернуть налево, на Фондамента-дей-Толентини, набережную канала Рио-де-ла-Кацциола э-де-Ка-Рицци. Музыка этих названий сопровождала меня в пути. Я шел мимо фасадов, отделанных мраморным кружевом. В воде отражались деревянные причальные

столбы. И хотя все, что я видел, стояло здесь уже веками, оно производило впечатление зыбкости, словно то был мираж, возникший на море и готовый рассыпаться при малейшем дуновении ветерка, превратившись в беспорядочные воспоминания на миллионах фотографий.

На стене у игрушечной лестницы перед мостом, ведущим к узкой мостовой вдоль Рио-де-ла-Кацциола э-де-Ка-Рицци, висел броский желтый указатель, согласно которому площадь Сан-Марко и мост Риальто одновременно находились там, куда я держал путь, и там, откуда я пришел. Я очутился в волшебном мире, где пункт отправления и пункт назначения стали взаимозаменяемыми понятиями. Что меня необычайно развеселило.

Свет обыкновенно подобен воздуху в том смысле, что за его неимением как никогда возникает соблазн задуматься о его важности. Здешний свет казался рукотворным, как венец архитектуры, как лист сусального золота на скульптуре или как любовно нанесенный слой лака поверх собственного автопортрета. Впрочем, эти сравнения слишком статичны, ибо местный свет пребывал в постоянном движении, будто неотступно гнался за тенями.

По другую сторону канала дремали обнесенные стеной сады Пападополи, куда на тайные вечеринки стекались гости в масках, являясь в огнях факелов, точно облаченные в черный плащ ночи призраки. Семья Пападополи собрала самую обширную и изысканную коллекцию произведений искусства в городе. Красота исходила завистью, вальсируя на их вечеринках. Все, что когда-то там происходило, было там и по сей день, покрытое, как прежде, мраком неизвестности.

От площади Кампо-деи-Толентини с мраморными колоннами неоклассического фасада Сан-Никола и открытыми террасами кафе мне надлежало идти прямо. Перед мостом Калле-Керериа-Дорсодуро я должен был снова свернуть налево, на Фондамента-Минотто. У поворота моему взору открылась чарующая картина. На излете канала Рио-дель-Магадзен, испещренного незатейливыми причальными столбиками из неотделанной древесины, проступала тонкая дуга моста Гафаро, оттеняющая пыльно-розовый фасад

приземистого палаццо с семью высокими остроконечными окнами в белоснежных мраморных рамах, увенчанный колокольной приютившейся за ним церкви.

Следуя прямо, я вышел на улицу Салицада-Сан-Панталон, в конце которой срезал угол и повернул направо, на Кампьялло-Моска, чтобы, одолев кряду два моста, попасть на Калле-де-ла-Кьеза. Таким образом я очутился на удивительно просторной площади Кампо-Санта-Маргерита, пересек ее и по Рио-Тера добрался до Понте-деи-Пуньи. С моста открывался вид точь-в-точь как на открытке с изображением архитектурных строений, воды, гондол и колоколен. Оказавшись на другой стороне канала, я свернул налево, пересек площадь перед церковью Сан-Барнаба и, пройдя по калле Лотто, перебрался через канал Рио-дель-Мальпага на Фондамента-Толетта. После чего мне потребовалось миновать всего один канал, Рио-де-Сан-Тривазо, чтобы выйти к Галерее, прямо за которой меня ждали калле Нуова Сант-Аньезе, мой новый дом и Клио.

3

Я не собираюсь брать за правило записывать очевидности, но одна бесспорная вещь не раз меня столь радовала, что я не хотел бы оставить ее без внимания. Разумеется, я недооценил Клио. Вместо того чтобы открыть дверь в рабочей майке и спортивных брюках, она возникла на пороге (словно зная наперед, что это будет ее первое появление в моей книге) как женщина, умеющая производить впечатление, — в эффектном коротком черном платье от Эльзы Скиапарелли, с цветочным узором из белого бисера и легкомысленным воротом из белой рафии, в черных открытых туфлях «Фенди» на высоком каблуке и в длинных серебряных серьгах «Гуччи». По обыкновению, без макияжа или с едва заметным его налетом, она по случаю нашей встречи лишь накрасила губы ярко-красной помадой цвета «феррари».

— Вот, обнаружила в одной из коробок, — сказала она. — Совсем забыла, что у меня есть это платье. Как тебе? Оно так давно вышло из моды, что, по-моему, уже успело снова в нее войти. Сейчас в моде меланхолия. Прошрое снова стало современным. Добро пожаловать в Венецию, Илья. Я по тебе скучала.

Она бросилась мне на шею так, будто позировала на фотосессии: приподнявшись на носок одной ноги и фотогенично согнув в колене другую ногу, она поцеловала меня в губы.

— Тебе идет, — сказала она.

— Что?

— Губная помада. Пойдем. Отпразднуем твой приезд. Дом покажу тебе позже. Для начала сходим куда-нибудь выпить.

— Куда бы ты хотела?

— На площадь Сан-Марко, разумеется.

Мы разместились на террасе кафе «Лавена». Могли бы выбрать «Флориан» или «Квадри», где нас с таким же успехом обобрали бы во имя ностальгии. Мы знали, что в этих заведениях туристическая эксплуатация известных имен и элегантного прошлого будет исполнена со вкусом и очарованием. За этим мы и пришли, равно как и за романтической иллюзией увидеть наше новое место жительства — Венецию — глазами легендарных туристов, побывавших здесь до нас, таких как Стендаль, лорд Байрон, Александр Дюма, Рихард Вагнер, Марсель Пруст, Густав Малер, Томас Манн, Эрнест Хемингуэй, Райнер Мария Рильке, и наверняка сидевших на этих самых стульях, чтобы прославить на весь мир открывающийся отсюда вид. Мы решительно заказали два спритца, зная, что они стоят восемнадцать евро каждый и что чуть позже мы непременно повторим заказ.

— Как тебе наш новый город? — спросила Клио. — Если здесь уместно слово «новый».

Я огляделся. Строгие фасады с аркадами бросали царственный взгляд в сторону собора Сан-Марко, своими куполами и округлыми формами порождавшего причудливый и почти внеземной контраст с мирской мощью, исходившей от площади. Асимметричное расположение непропорционально высокой колокольни из красного кирпича с белой мраморной галереей и зеленой остроконечной крышей

создавало в рациональном, парадном пространстве несуразный контрапункт, как раз в силу своей безапелляционной дерзости и чрезмерности получившийся эффектным и элегантным. За собором взору открывалась вторая часть площади, некий скрытый сюрприз в обрамлении потустороннего Дворца дождей с двумя как бы подвешенными в воздухе и хрупкими на вид ажурными нижними этажами под массивной средневековой надстройкой и двух колонн, за которыми мостовая без каких-либо ограды, стены, дорожного знака или предупреждения переходила в воды Гранд-канала, лагуны и открытого моря. Официант балансировал серебряным подносом на кончиках пальцев облаченной в перчатку руки. Голуби водили дружбу с туристами.

— Этот город — идеальный для тебя фон, — ответил я.

— Хочешь сказать, что я старею?

— Хочу сказать, что в золотой оправе ты выглядишь еще привлекательнее.

— Тебе не кажется, что в Венеции есть что-то грустное? Площадь Сан-Марко, объективно говоря, довольно многолюдна. И в то же время она производит впечатление сиротливости и одиночества, как будто ее мысли витают где-то далеко. Главные герои уехали, история пишется в другом месте, мировую сцену передвинули, а площадь осталась, недоумевающая, в чем же теперь ее назначение. Она как будто чего-то ждет, тебе не кажется?

— Она ждала нас — теперь может начаться наша история.

— Это будет история со счастливым концом?

— Хорошие истории ничем хорошим не заканчиваются, — сказал я. — Так что мы в любом случае в выигрыше. Либо сочиняем хорошую историю, либо живем долго и счастливо.

— В первом случае я хочу, чтобы ее написал ты и никто другой.

— Обещаю, что напишу о тебе только в том случае, если стану безвозвратно о тебе горевать.

Свое обещание я сдержал.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

